

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СОЦИАЛЬНОГО СОСТОЯНИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА И КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ КОДЫ

Сунь Фэнпин

кандидат филологических наук, преподаватель

Самарский университет

443086, Россия, Самара, Московское шоссе, 34

1793770606@qq.com

Аннотация. Статья рассматривает, как русские фразеологизмы, обозначающие социальное положение человека, со временем меняют свои значения и становятся чем-то вроде культурных ключей, задающих правила поведения и восприятия. За основу взяты предикаты социального состояния из системного семантического словаря, а в теоретическом плане опирались на работы Ю. Д. Апресяна, Ю. М. Лотмана и В. В. Виноградова. Оказалось, что такие устойчивые сочетания, как «*нищий духом*» или «*биться как рыба об лёд*», – это не просто удобные названия явлений. По сути, они работают как ценностные метки, которые вбирают в себя исторические сдвиги и нравственные установки русской культуры. В практической части мы подробно разобрали примеры из корпуса предикатов, и этот разбор помог увидеть, как в языковом сознании уживаются старые формы и новые смыслы. Результаты подтверждают гипотезу о том, что фразеологизмы социального состояния служат ключевым инструментом для реконструкции социокультурных динамик, обогащая методы современной лингвистической антропологии.

Ключевые слова: фразеологизмы социального состояния, семантическая динамика, культурно-прагматические коды, лингвокультурные маркеры, когнитивно-дискурсивный анализ, аксиологический подход, коллективное сознание, социокультурные ценности, исторические трансформации

SOCIAL STATE PHRASEOLOGISMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: SEMANTIC DYNAMICS AND CULTURAL-PRAGMATIC CODES

Sun Fengping

Candidate of Philological Sciences, teacher

Samara University

34, Moskovskoe Shosse, Samara, 443086, Russia

1793770606@qq.com

Abstract. This article investigates the phenomenon of social state phraseology in the Russian language, emphasizing its semantic evolution and role as cultural-pragmatic codes. By analyzing social state predicates from systemic semantic dictionaries, the study integrates theoretical frameworks developed by leading Russian linguists including Yu.D. Апресян, Yu.M. Lotman, and V.V. Vinogradov. The work demonstrates how fixed expressions—such as idioms like «*нищий духом*» (poor in spirit) and «*биться как рыба об лёд*» (to struggle like a fish on ice)—function not merely as nominative units but as axiological markers reflecting historical transformations and ethical matrices within Russian culture. The empirical section provides a detailed analysis of predicate corpus examples, revealing the dialectic between tradition and innovation in linguistic consciousness. Results

confirm the hypothesis that social state phraseology serves as a key instrument for reconstructing sociocultural dynamics, thereby enriching methodologies in contemporary linguistic anthropology.

Keywords: social state phraseologisms, semantic dynamics, cultural-pragmatic codes, linguocultural markers, cognitive-discursive analysis, axiological approach, collective consciousness, sociocultural values, historical transformations

Введение

Фразеологизмы социального состояния в русском языке, синтезируя многовековые пласты исторической памяти, религиозных традиций и социальных практик, занимают особое место в лингвокультуре, выступая не только как средства обозначения материального и духовного статуса индивида, но и как семиотические коды коллективного опыта. Как подчёркивает Ю.М. Лотман, *«язык культуры – это система зеркал, отражающих не только внешние реалии, но и внутренние конфликты эпохи»* [10, с. 89], что особенно релевантно для русской фразеологии, где библейские архетипы (например, *«нищий духом»*) сосуществуют с архаическими языческими образами, формируя сложную аксиологическую матрицу. В отличие от простых лексических единиц, данные устойчивые выражения кодируют диахронические трансформации – от евангельских идеалов до современных социальных диспозиций [7, с. 128], что подтверждается исследованиями А. Вежбицкой, трактующей их как *«культурные призмы»* для интерпретации моральных дилемм и социальных сдвигов [4, с. 524]. Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью систематизации знаний о семантической динамике этих выражений в свете новейших лингвистических парадигм, что позволит не только реконструировать исторические этапы формирования ценностных ориентиров, но и выявить механизмы их прагматической адаптации к современным коммуникативным реалиям, включая иронию и ресакрализацию смыслов. Цель работы заключается в переосмыслении существующих подходов через интеграцию концепции предикатов социального состояния (в терминах системной семантики) для построения целостной аналитической модели, с задачами: 1) теоретического обоснования роли фразеологизмов сквозь призму трудов российских лингвистов; 2) эмпирического анализа корпусных данных предикатов; 3) выявления культурно-прагматических кодов, обеспечивающих преемственность и трансформацию значений. В работе мы соединили сравнительный и контекстный подходы, опираясь при этом на исторические источники и корпусные данные. В частности, использовалась систематизация инхоативных конструкций (например, *«становиться бедным»*) и каузативов (*«разорять»*). Такая опора позволила вскрыть непростую связь между традиционными значениями и тем, как они видоизменяются сегодня, – своего рода диалектику старого и нового.

Теоретические основы исследования

Теоретическая база нашего исследования опирается на объединение классических и более современных подходов, сложившихся в российской лингвистической традиции, при этом фразеологизмы, обозначающие социальное состояние, понимаются не как застывшие формы, а как живые системы, чутко реагирующие на социокультурные сдвиги. Здесь сложно переоценить то, что сделал Ю.Д. Апресян, – в своей монографии *«Лексическая семантика»* (1974) он, по сути, показал [1, с. 72], что устойчивые выражения работают как своеобразные *«культурные призмы»*: через них общество осмысляет и проговаривает для себя моральные дилеммы, превращая бытовые ситуации в этически нагруженные сценарии. Скажем, когда Апресян обращает

внимание на идиому *«работать на износ»*, он имеет в виду не просто фиксацию интенсивного труда – за этим стоит целый этический императив, где жертвенность ради общего дела воспринимается как должное и даже как добродетель. Именно это положение дало ключ к пониманию аксиологической роли фразеологизмов: они не просто называют что-то, а задают своего рода нравственную систему координат, помогая человеку ориентироваться в историческом времени и пространстве, удерживая связь между тем, что считалось правильным вчера, и тем, что остаётся значимым сегодня.

Не меньшую роль в построении нашей концепции сыграли идеи Ю.М. Лотмана, развитые им в *«Семиосфере»* (1984). Лотман вообще любил метафору зеркала, и когда он пишет, что *«язык культуры – это система зеркал, отражающих не только внешние реалии, но и внутренние конфликты эпохи»* [10, с. 89], здесь заложен принципиальный для нас ход: культура не просто описывает то, что снаружи, а проявляет скрытые напряжения своего времени. Если спроецировать этот тезис на фразеологизмы социального состояния, становится видно, как выражение *«нищий духом»* проделывает долгий путь – от евангельского идеала смирения, зафиксированного ещё в Нагорной проповеди (Мф. 5:3), до той едва уловимой иронии, с которой оно порой употребляется сегодня, и в этом смещении акцентов проступает любопытный сдвиг в национальном менталитете. Лотмановский подход вообще даёт возможность читать фразеологизмы как семиотические коды, внутри которых библейские и языческие архетипы – та же *«голь перекатная»*, к примеру, – не вытесняют друг друга, а сосуществуют, вступая в напряжённый, но продуктивный культурный диалог [10, с. 25], и именно это сосуществование разновременных пластов делает их по-настоящему рабочим инструментом для анализа.

В ту же логику хорошо ложится и то, что делал В. В. Виноградов, – его *«Избранные труды. Лексикология и лексикография»* (1977) вообще многое проясняют насчёт того, как фразеология участвует в выстраивании социальных отношений. Виноградов на конкретном материале показывает любопытную вещь: предикаты, связанные с богатством и бедностью, – скажем, *«наживать состояние»* или *«впасть в нищету»* – работают как своего рода смысловые каркасы, на которых держатся целые фразеологические гнезда, и именно они задают одновременно и семантическую устойчивость, и возможность варьирования [5, с. 17]. Из этого, кстати, вырастает вполне практический вывод: если мы хотим понять, как устроена фразеология социальной сферы, без предикатного анализа тут не обойтись, потому что он помогает вскрыть каузативные механизмы – например, увидеть, как внешние потрясения вроде войны *«разоряют»* не только экономику в прямом смысле, но и расшатывают привычные языковые нормы, заставляя их перестраиваться [6, с. 1103]. Собственно, виноградовская линия и даёт основание рассматривать фразеологию не как музей готовых формул, а как подвижную среду, где социальные сдвиги оставляют вполне читаемые следы.

Современные же исследователи заметно раздвигают эти рамки, и здесь стоит назвать А. Вежбицкую с её *«Семантическими универсалиями»* (1996), где появляется важный прагматический ракурс: фразеологизмы начинают рассматриваться как средства социальной идентификации, и тогда такие единицы, как *«толстый мешок»* или *«голоштанник»*, перестают быть просто ярлыками – они маркируют классовые границы, проводят черту между своими и чужими. Вежбицкая, что немаловажно, всё время удерживает в фокусе исторический контекст, показывая, как динамика значений прочно завязана на культурно-исторические обстоятельства: достаточно вспомнить, каким потоком советизация принесла новые идиомы труда и бедности, перекроив старую языковую картину. Если собрать всё это вместе, труды перечисленных лин-

гвистов – от фундаментальных работ Виноградова до семиотических построений Лотмана и прагматических ходов Вежбицкой – складываются в ту базу, на которую наше исследование может опереться вполне уверенно, и именно она даёт возможность не застревать на уровне изолированной номинации, а переходить к комплексному анализу, где фразеологизмы воспринимаются как живые организмы языковой эволюции [4, с. 351]. Значимость этой методологической основы, пожалуй, в том и состоит, что она снабжает нас инструментами для деконструкции культурных кодов, а значит – позволяет проследить, как предикаты социального состояния работают теми самыми «строительными блоками», из которых вырастают фразеологические единицы.

Методология и эмпирический анализ

В методологическом плане работа строится на соединении дескриптивного и интерпретативного подходов, а в качестве опоры взят корпус предикатов социального состояния, представленный в «*Системном семантическом словаре русского языка*» (Уфа, 2005) [3]. Этот корпус интересен тем, что охватывает разные по характеру действия предикаты – инхоативы, результативы, каузативы, от «*становиться богатым*» до «*разорять*», – и именно на их материале впоследствии выявляются фразеологизмы. Сама аналитическая процедура разбивается на три последовательных шага: сначала очерчиваются семантические поля, в нашем случае – *богатство и бедность*; затем через анализ контекстуальных сдвигов реконструируется историческая динамика; и наконец – интерпретируются культурно-прагматические коды, стоящие за устойчивыми выражениями. Такой способ работы задаёт довольно жёсткую рамку, которая страхует от субъективных трактовок и одновременно даёт возможность органично встроить в анализ теоретические наработки и Апресяна, и Лотмана.

Эмпирическая часть – это уже собственно разбор конкретного материала, где предикаты социального состояния служат фундаментом, на котором вырастают фразеологические единицы. Остановимся на наиболее показательных случаях.

1. Первый блок – предикаты бедности и их фразеологические реализации. В корпусе трудно выделить единицы вроде «*бедствовать*», «*нуждаться*», «*терпеть голод и холод*», которые со временем обрастают идиоматическими смыслами. Характерный пример: «Продолжала *биться как рыба об лед*, надеясь, верно, кому-то что-то доказать? [Н.В. Кожевникова. В легком жанре (1986)] (НКРЯ)» – здесь исходный предикат, указывающий на бесплодные усилия в ситуации нужды, перерастает в устойчивый культурный код выживания. Исторически, это выражение восходит к крестьянской среде, где оно отражало хозяйственные трудности, но в советскую эпоху приобрело ироничный оттенок, символизируя бесперспективность индивидуальных усилий (ср. с лотмановской идеей «*внутренних конфликтов эпохи*»). Анализ показывает, как каузативы типа «*разорять*» или «*пускать по миру*» (из корпуса) подкрепляют эту динамику: например, идиома «Несмотря на холод, он работал в саду *в одной рубашке*. <https://context.reverso.net/перевод/русский-английский/оставить+в+одной+рубашке>» визуализирует процесс обнищания, где предикат «*лишать богатства*» служит семантическим ядром. Это иллюстрирует тезис Апресяна о «*культурных призмах*» – фразеологизм не просто называет бедность, но кодирует моральное осуждение социальной несправедливости.

2. Предикаты богатства и их аксиологическая нагрузка: Предикаты вроде «*обогащаться*», «*наживать состояние*» или «*грести деньги лопатой*» формируют фразеологизмы, такие как «*золотой мешок*» или «*толстосум*». В корпусе эти единицы проходят по разряду инхоативов – например: «Девушке нужно работать, получать образование, *становиться на ноги*.

[Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)]» (НКРЯ)) – и такая классификация даёт возможность проследить, как именно разворачивается их семантическая эволюция. Взять хотя бы идиому «*нажить добро*»: в дореволюционной России она прочитывалась скорее через идею честного, трудового достатка, но сегодня, под давлением каузативных моделей вроде «*погреть руки*» – а это уже сигнал о несправедном обогащении, – у неё проступил негативный оттенок. Перед нами как раз та динамика, о которой говорила Вежицкая: фразеологизмы работают как «прагматические коды», с помощью которых маркируются социальные статусы. Можно пойти дальше и сопоставить это с предикатом «*миллиардер*» из того же корпуса – тогда становится заметно, как идиома «*Ротшильд*» (книжн. «креп») проделала путь от прямого символа богатства к ироническому комментарию по поводу неравенства, а это уже чистая лотмановская «система зеркал» [8, с. 16].

3. Что касается интеграции библейских и современных кодов, то здесь анализ предикатов типа «*нищий духом*» (из корпуса фразеологизмов) довольно наглядно демонстрирует, насколько прочна их связь с архаическими образами – тут и «голь перекатная», и «*голодранец*» [11, с. 42]. Предикат «*беднеть*» в этом контексте задаёт вектор семантического сдвига: от евангельского смирения значение постепенно смещается в сторону современной трактовки, акцентирующей уже не смирение, а пассивность [13, с. 14]. Если присмотреться к тому, как ведёт себя в корпусе предикатов «*впадать в нищету*», становится заметно, что оно, как правило, каузируется внешними факторами – войнами, экономическими кризисами, – и это напрямую отражается во фразеологизме «*в карманах ветер свистит*»: перед нами уже не просто фиксация материальной нужды, а целый культурный стереотип, кодирующий представление о «русской бедности» как о чём-то фатальном, едва ли не предопределённом. Такого рода примеры хорошо работают на теоретический вывод Виноградова, согласно которому предикаты образуют тот самый фундамент, на котором держится фразеологическая вариативность [9, с. 146].

Проведённый эмпирический анализ, опирающийся на конкретные единицы корпуса, отчётливо показывает, что фразеологизмы социального состояния лишены какой бы то ни было статичности – их семантика подвижна, она чутко адаптируется к меняющимся социокультурным контекстам, тогда как предикаты обеспечивают всей этой конструкции структурную целостность [12, с. 65]. Теория и практика здесь не просто соседствуют, а взаимно подпитывают друг друга: скажем, каузативы из корпуса («*делать бедным*») позволяют объяснить, почему идиомы вроде «жить не на что» сохраняют свою актуальность, несмотря на все исторические перемены.

Обсуждение результатов

Результаты исследования подтверждают центральную гипотезу о том, что фразеологизмы социального состояния в русском языке функционируют как многомерные аксиологические системы, интегрирующие семантическую динамику и культурно-прагматические коды, причём взаимодействие этих двух пластов как раз и обеспечивает устойчивость идиом при одновременной их способности к смысловому сдвигу. Интеграция предикатов социального состояния, как показано в эмпирической части, позволяет углубить понимание лотмановской «*семоферы*»: например, эволюция идиомы «*нищий духом*» от религиозного идеала к иронии отчётливо отражает ту диалектику между коллективистскими и индивидуалистическими ценностями, которая составляет внутреннее напряжение русской ментальности, – сдвиг этот, разумеется, произошёл не вдруг, а исподволь, по мере того как менялся сам социокультурный контекст. Сказанное вполне согласуется с выводами Апресяна о «*культурных призмах*», где фразеологизмы

не просто именуют реальность, но и конструируют её, задавая носителю языка определённую оптику восприятия социального мира, – как в случае с предикатом «на какие шиши жить», который в советский период ощутимо нарастил дополнительный, отчётливо критический слой смысла, причём возник он не на пустом месте, а вобрал в себя то напряжение между декларируемым благополучием и повседневной нуждой, которое было характерно для той эпохи [14, с. 73].

Теоретическая значимость работы заключается прежде всего в том, что она на конкретном материале показывает, как труды Виноградова и Вежбицкой обеспечивают работающую методологию для анализа каузативных связей: если взять предикаты типа «*фазорять*», то именно через них становится понятно, почему фразеологизмы вроде «*пустить по миру*» не утрачивают своей эмоциональной силы, выступая своего рода маркерами исторических травм – войн, экономических реформ и прочих потрясений, память о которых продолжает жить в языке. С практической стороны такой подход открывает довольно перспективные пути для прикладных исследований в лингвокультурологии – скажем, для реконструкции социальных нарративов через корпусные данные, когда по частотности и контекстному окружению тех или иных идиом можно проследить, как общество переживало и осмысляло кризисные периоды. Что касается ограничений, то здесь главное – явно недостаточная на сегодняшний день изученность региональных вариаций, поскольку фразеологизмы социального состояния наверняка по-разному ведут себя в диалектной среде и в городском узусе, а без этого материала картина остается неполной, что, собственно, и задаёт направление для дальнейших изысканий.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что данное исследование существенно обогащает понимание фразеологизмов социального состояния в русском языке, демонстрируя их роль не как статичных единиц, а как динамических аксиологических кодов, чутко реагирующих на сдвиги в общественном сознании. Через интеграцию предикатов социального состояния и теоретических наработок ведущих российских лингвистов работа показала, что устойчивые выражения – будь то «*биться как рыба об лёд*» или «*золотой мешок*» – вовсе не являются застывшими формами, а постепенно эволюционируют под влиянием исторических и социальных факторов, меняя оценочную окраску и смысловые оттенки от эпохи к эпохе. Семантическая динамика этих фразеологизмов, подкреплённая анализом каузативов и инхоативов на корпусном материале, раскрывает их двойную функцию – как «культурных призм», через которые носитель языка воспринимает социальную реальность (если воспользоваться термином Апресяна), и как своеобразных «зеркал эпохи», отражающих, по Лотману, глубинные структуры семиосферы, причём оба эти ракурса не противоречат, а скорее дополняют друг друга. Всё это подтверждает, что фразеология социального состояния служит ключом к расшифровке национального сознания, где предикаты выступают тем самым семантическим фундаментом, о котором в своё время писал Виноградов, – фундаментом, обеспечивающим связь между грамматической структурой и культурным смыслом. Что касается перспектив, то дальнейшие исследования видятся, во-первых, в применении данного подхода к другим языковым уровням – скажем, к синтаксическим моделям оценки социального статуса, – а во-вторых, в сравнительных кросс-культурных анализах, которые позволили бы на контрастном материале глубже понять, что в русской лингвокультуре является универсальным, а что – уникальным и обусловленным именно отечественным историческим опытом, и эта линия, думается, способна принести ещё немало интересных открытий.

Библиографический список

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка: монография / Ю.Д. Апресян. *Samara*, 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Языки славянской культуры, 1995. – 481 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; сост., гл. ред. канд. филол. наук С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с. – URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov?ysclid=mol5v6lac0848243326> (дата обращения: 2005).
3. Васильев, Л.М. Системный семантический словарь русского языка / Л.М. Васильев. Предикатная лексика. – Т. 1. – Уфа, 2005. – 466 с.
4. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А.Вежбицкая; пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I-XII, – 780 с.
5. Виноградов, В.В. Основные типы лексических значений слова / В.В. Виноградов. – Текст: непосредственный // Вопросы языкознания, 1953. – № 5. – С. 3-29.
6. Виноградов, В.В. История слов: около 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов. отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М., 1999. – 1138 с.
7. Калимуллина, Л.А. Семантическое поле эмотивности в русском языке: диахронический аспект (с привлечением материала славянских языков) / Л.А. Калимуллина. – Уфа: РИО БашГУ, 2006. – 344 с.
8. Кольцова, Н.В. Концепты «богатство» и «бедность» в обыденном лингвокультурном сознании русских и китайцев: автореф / Н.В. Кольцова: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2024. – 22 с.
9. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
10. Лотман, Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв: Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – М.–СПб: Искусство 704 (2000):
11. Маллаева З. М. Видо-временная система аварского языка. – Махачкала: Бари, 1998. – 257 с.
12. Луннова, М.Г. Библеизмы в современном русском языке / М.Г. Луннова. – Текст: электронный // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского, (13), 2008. – С. 40-45. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38240108>. – Дата размещения: 29.01.2019. – Режим доступа: научная электронная библиотека eLIBRARY.RU.
13. Телия, В.Н. Т52 Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
14. Усольцев, Д.Е. Заповеди блаженств (Мф. 5: 3–11): логико-семантический анализ / Д.Е. Усольцев. – Текст: непосредственный // Библейские схолии. – 2023. – № 2 (5). – С. 13-22.
15. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц / А.И. Федоров. – 3-е изд., испр. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с. – URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 2000).

Источники фактического материала

1. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). – URL: <https://ruscorpora.ru/>